

Недавно вышел из печати новый ком-пендиум по славянскому языкознанию — книга "The Slavonic languages", написанная ведущими славистами Европы, Америки и Австралии. Масштаб предпринятой работы связан, без сомнения, с интересом, испытываемым обществом к политическим, экономическим и социальным изменениям, происходящим в настоящее время в славянских странах (с. 1).

В то же время данная книга уже своей установкой отличается от других трудов подобного рода. Если, например, московское издание (Слав. яз. 1977) и лондонское (De Bray 1951) отвечают в первую очередь практическим нуждам изучающих или преподающих славянские языки, то рецензируемое издание предназначено для весьма широкой аудитории: как для заинтересованных в практическом изучении языка, так и для профессиональных филологов — от начинающих славистов до индоевропейцев и лингвистов-типологов, в том числе и для тех, кто не владеет славянскими языками

(в связи с чем весь языковой материал приводится с транслитерированными параллелями (с. 17)). Изданная с большим вниманием к читателю, книга снабжена и предметным указателем.

Монография включает описания живых славянских литературных языков, лехитского языка со спорным статусом — кашубского (более распространенной является его трактовка как диалекта польского), а также мертвых языков — старославянского и полабского. Самостоятельные главы посвящены славянской азбуке, праславянскому языку, славянским языкам эмиграции. Тем самым оказывается охваченным и социолингвистический материал, так что по широте аспектов описания данная книга представляет собой уникальный в славистике труд.

Каждая глава написана специалистом по данному языку. Как принято в фундаментальных справочных изданиях, читателя знакомят в первую очередь с устоявшимися в славистике мнениями, предоставляя при

этом возможность ориентироваться в существующих подходах к конкретной проблеме: все главы книги снабжены списком основной литературы.

Собственно описание конкретных языков представляет собой обширную справку по синхронии и диахронии. Отметим, что мы не располагаем другими энциклопедическими изданиями, предоставляющими информацию столь обширного диапазона по славянским языкам. Все перечисленные ниже уровни языка рассматриваются в двух ракурсах: в плане рефлексации важнейших праславянских явлений и в плане синхронного описания современного состояния, отвечающего, как указывалось, прикладным и исследовательским задачам. Читатель получает сведения по истории функционирования каждого языка (включая его литературный вариант) с древнейших времен, далее — по фонетике, морфологии и акцентологии, по морфологии (сюда входит и небольшой раздел по словообразованию), синтаксису (этому языковому уровню уделено особое внимание, что связано с новейшими достижениями в данной области и является отличительной чертой рецензируемой книги), лексике и диалектологии. Незначительные отступления от этой схемы сделаны лишь в главах, посвященных праславянскому, кашубскому и полабскому языкам, а также славянским языкам эмиграции по причинам, связанным с характером языкового материала.

Все перечисленные уровни лингвистического анализа конкретных языков единообразным образом оформлены как параграфы и подпараграфы внутри каждой главы, так что желающий получить сведения, например, по славянскому словообразованию может прочитать информацию под одним и тем же номером в главах, посвященных конкретным языкам. Описание славянских языков по единой схеме обеспечивает полноту охватываемого материала, ясность и компактность изложения и, конечно, делает возможным сравнение приводимого материала по языкам, что является большим достоинством рецензируемой работы.

Монография открывается Введением (гл. 1), написанным Б. Комри и Г.Г. Корбетом. Здесь определяются задачи издания и исходные позиции авторов; указываются основные единицы анализа и важнейшие типологически релевантные черты славянских языков на всех рассматриваемых в дальнейших главах уровнях анализа.

В главе 2 "Алфавиты и транслитерация" (ее автор — П. Кабберли) рассматривается

история алфавитов, которыми когда-либо пользовались славянские языки, а также обсуждаются применяемые — в том числе и в рецензируемом труде — системы транскрипции и транслитерации.

Очерки по конкретным славянским языкам написаны следующими авторами (перечисляем их в порядке следования в книге; предполагаем, что этот перечень информативен, в частности, и как указатель славиистических центров): старославянский — Д. Хантли, Торонтский ун-т; болгарский — Э.А. Скэттон, Нью-Йоркский ун-т; македонский — В.А. Фридман, ун-т Северной Каролины; сербо-хорватский — В. Браун, Корнелльский ун-т; словенский — Т.М. С. Пристли, ун-т Альберты; чешский и словацкий — Д. Шорт, Лондонский ун-т; серболужицкий — Дж. Стоун, Оксфордский ун-т; польский — Р.А. Ротстейн, Масачусетский ун-т; кашубский — Дж. Стоун, Оксфордский ун-т; полабский — К. Полянский, Ягеллонский ун-т, Краков; русский — А. Тимберлейк, Шеффилдский ун-т; белорусский — П. Майо, Шеффилдский ун-т; украинский — Г.А. Шевелев, Колумбийский ун-т.

Мы бы хотели подробнее остановиться на главах, посвященных праславянскому языку и функционированию славянских языков в эмиграции.

Глава 3 "Праславянский язык" (автор — А.М. Шенкер, Йельский ун-т) открывает описание отдельных славянских языков. Построенная по общепринятой схеме, данная глава в то же время ярко демонстрирует типологический подход к материалу, который, возможно, здесь не всегда оправдывает себя. Так, например, в разделе "Диалекты" приводятся признаки различных языковых уровней, позволяющие осуществлять диалектное членение внутри праславянского (с. 114—119). В одном ряду оказываются помещенными такие явления, как метатеза плавных, судьба *l*-эпентетикум и, например, спирализация *g > γ* или *h*, прошедшая в ряде славянских языков. Отметим, однако, что праславянская хронологизация последнего явления нуждалась бы в дополнительной аргументации. Кроме того, спирализация *g* — повидимому, единственный факт, дающий автору основание противопоставлять как древнейшие диалектные зоны северовосточный восточнославянский (North Eastern East Slavonic) юго-западному восточнославянскому (South Western East Slavonic) в рамках восточнославянского (с. 117): во всяком случае, другие факты, позволяющие дифференцировать восточнославянский, не

приводятся. Это диалектное противопоставление внутри восточнославянского отношения А. Шенкером к X в.

Указывается, например, и сохранение праславянского носового резонанса лехитскими языками и словенскими и болгарскими диалектами. Оставляя в стороне возможность поздней реституции носовых в этих языках, укажем, что и сохранение праславянского признака само по себе никак не свидетельствует о специфическом месте, занимаемом этим признаком в системах праславянских предков данных диалектов. В то же время такая трактовка материала отражает подходы, бытующие в лингвистической литературе, краткий список которой приводится в конце главы.

Глава 18, посвященная славянским языкам в условиях эмиграции, написана Р. Сассексом (Квинслендский ун-т). Поскольку в отечественной лингвистике язык эмигрантов специально не изучался, мы считаем полезным остановиться на этом разделе книги подробнее.

За пределами данной главы остаются славянские языки, оказавшиеся в иноязычной среде в результате переделки национальных границ, например, после мировых войн. Не рассматриваются и языки, функционирующие недалеко от своей славянской родины (такие ситуации возникали, например, в результате сталинских переселений народов). Славянские языки в условиях дележа границ XX столетия, как и бытование русского языка в СССР в прошлом и на его теперешней территории, представляют, действительно, особые исследовательские проблемы.

Здесь речь идет о славянах, живущих вдали от родины, в странах с национальными неславянскими языками. Это прежде всего славяне, живущие в Западной Европе, Северной Америке и Австралии. Основные страны славянской эмиграции — Австралия, Канада и США. Автор говорит о языковой политике, направленной на поддержание языка, как отличительном признаке славянских общин в эмиграции (раздел 2.1). Языковая политика определяется следующими факторами: социальными и нравственными ценностями, с которыми связано осознание людьми своей этнической принадлежности (2.2); предоставляемыми эмигрантам языковыми правами (2.3); выбором языка-образца, вынесенного предыдущими поколениями эмигрантов из метрополии или современного литературного языка метрополии и др., что определяет направление языковой политики (2.4); степенью своеобразия языка и широтой

функционирования языка и культуры (2.5). Все эти факторы определяют языковую экологию (2.6), от которой и зависит жизнеспособность языка эмигрантов в контексте чужого национального языка.

В данной главе рассматриваются и собственно языковые специфические черты славянских языков в условиях эмиграции на всех тех уровнях, что и в предыдущих главах. Такой анализ, естественно, невозможен без определения понятия нормы. Как отмечает автор, в лингвистике укрепились традиции, при которой языки в эмиграции рассматриваются как отклонения от нормы (с. 1009). С другой стороны, приветствуется трактовка языков эмиграции как формируемых с потенциальной собственной нормой, в таком случае — региональных вариантов соответствующих национальных языков. Возможность такого подхода была продемонстрирована Д. Престоном и М. Тернером, проанализировавшими падежную систему польского языка в западной части Нью-Йорка и обнаружившими ее специфическую организацию (там же). Здесь следует иметь в виду, что язык метрополии вовсе не обязательно умирает в третьем-четвертом поколении эмигрантов, хотя именно так и бывает в огромном большинстве случаев. При благоприятных внешних условиях и немалых внутренних усилиях на его поддержание язык в условиях эмиграции может проявлять и определенную устойчивость. Такой пример представляет польская община в Техасе.

Материалы, представленные в данной главе, заставляют задуматься над проблемами, которыми до недавнего времени отечественная славистика не занималась. Так, здесь отсутствует стандартный для рецензируемой книги раздел по словообразованию, что с очевидностью указывает на неразработанность этого вопроса. Автор ограничивается утверждением, что в речи эмигрантов не образуются новые слова из исконных элементов (с. 1011). Можно, однако, предположить, что в данном случае могут представлять интерес по крайней мере три направления изучения словообразовательных процессов: 1) анализ последовательности распада словообразовательных классов слов: результат, получаемый в данном случае, прояснял бы сущность словообразовательных явлений подобно тому, как это происходит при изучении афазии; 2) гибридизация — образование новых слов при помощи и своих, и заимствованных морфем; этот процесс активно происходит и в современных литературных языках славянских метро-

полий; 3) образование окказионализмов из собственных элементов (на материале русского языка художественной литературы и публицистики см. об этом недавнюю статью Ю.Н. Караулова [Караулов 1992]).

Отметим, что русский материал учитывается в данной главе в меньшей степени, чем материал других славянских языков. Это объясняется тем, что активная русскоязычная эмиграция, происходящая в последние годы и численно, очевидно, поставившая выходцев из бывшего СССР по крайней мере вровень с выходцами из Украины и Польши, пока еще не полностью учтена даже в переписях, не говоря уже о лингвистической литературе. В то же время можно предположить, что социокультурное обследование русского языка в данном случае принесло бы результаты, отличные от обследования других славянских языков. Мы связываем это с тем, что у эмигрантов последней волны — в отличие от представителей послереволюционной эмиграции, стоявших на почве русской культуры до 1917 г., — отсутствует установка на сохранение русского языка. Но в то же время ясно, что реальные связи, в том числе языковые, эмигрантов последней волны с Россией будут более тесными, чем это было прежде. Это вытекает из отсутствия необходимости (которая была у эмигрантов, выехавших из России после революции) вести войну на два фронта: за выживание — с национальным языком принимающей

страны и за качество своего русского языка — отталкиваясь от коммунистической России (о последнем обстоятельстве см. с. 1011).

Следует сказать, что в книге "The Slavonic languages" не рассматривается социокультурное положение современных славянских языков в метрополиях, что, очевидно, и естественно, поскольку время для подведения итогов к моменту написания книги еще не настало. Но тем большую актуальность приобретает эта задача сейчас.

Таким образом, рецензируемая книга не только служит введением в славистику для лингвистов-типологов и других заинтересованных лиц, но и, как всякое крупное итоговое исследование, ставит новые проблемы перед самими славистами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Караулов Ю.Н.* 1992 — О русском языке зарубежья // ВЯ. 1992. № 6.
- Слав. яз. 1977 — Славянские языки (Очерки грамматики западноевропейских и южнославянских языков) / Под ред. А.Г. Широковой и В.П. Гудкова. М., 1977.
- De Bray R.G.A.* 1951 — *Guide to the Slavonic languages*. L., 1951 (3-rd ed): I — Guide to the South Slavonic languages; II — Guide to the West Slavonic languages; III — Guide to the East Slavonic languages. Columbus, 1980).